

«Крестник» Л.Н. Толстого – род притчи, поучения

© В. А. ЛЕЩЕВА

Рассказ «Крестник» принадлежит к циклу так называемых народных рассказов, созданных Л. Толстым в 1880 – 1890-х гг. Об особенностях жанра народного рассказа писали Г.Н. Ишук, Е.Н. Купреянова, Е.В. Николаева. В статье рассмотрены стилистические приемы, характерные для этого рассказа, выделены черты разговорного стиля речи, обозначены его лексические и синтаксические особенности.

Ключевые слова: народные рассказы, «Крестник», притча, двуплановость, лексика, синтаксис, поведенческие стереотипы.

Как известно, духовный кризис, который Л.Н. Толстой переживал в 1870-х годах, оказал прямое влияние на формирование нового мировоззрения писателя. Отныне в его основе лежал религиозный взгляд на мир. В связи с этим в творчестве писателя произошли значительные изменения: сложилась особая система жанров, опирающаяся на новое мировоззрение, появились произведения для простого читателя, увеличилось количество малых форм (повестей и рассказов), преобладающей стала публицистика [1]. Среди всего этого интерес представляет цикл так называемых народных рассказов, созданных Л.Н. Толстым в совершенно новой манере в период 1880–1890-х гг. По сути, это короткие нравоучительные истории, содержащие в себе признаки притчи, легенды, проповеди, сказки, рассказов. Исследователи-толстоведы не имеют единого, устойчивого взгляда на жанровую природу народных рассказов.

Так, Е.А. Маймин считал, что это «не столько рассказы, сколько род притчи, поучения» [2], а Е.Н. Купреянова была убеждена, что именно «притчи – ...самое точное и прямое обозначение жанра “простонародных повествований Толстого”» [3]. М.Б. Храпченко, в свою очередь, рассуждал: «Народные рассказы включают в себя элементы фантастики, но и непосредственно сближаются с легендой, притчей как формами литературного повествования. Народный рассказ Толстого иногда строится на фольклорном материале, перерастая в нравоучительную сказку» [4]. Е.В. Николаева приходит к мысли, что созданный Л. Толстым жанр – оригинальное произведение, имеющее в своей основе синтез традиций

русского фольклора и древнерусской литературы: «как и в средневековой литературе, Толстой, в сущности, совмещал прямой способ отражения действительности (то есть картины реальной жизни современного ему крестьянства) с показом идеального мира... и “должного”. Обращение к изображению идеального мира повлекло за собой использование в рамках современных произведений таких особенностей древней литературы, как подчеркнутый дидактизм..., обработка традиционных литературных и легендарных сюжетов..., использование элементов чудесного (как сюжетобразующих компонентов), традиционная функция “демонических” персонажей, особенности языка, приемы цитирования евангельских текстов» [1].

Характерен в этом отношении рассказ «Крестник». Его герой путешествует по дорогам жизни в поисках ответа на вопрос, как избавиться от греха и спасти свою душу. В рассказ включены три притчи, смысл которых герой понимает только в конце пути, «выкупив» грехи [5]. Мимоходом он видит и принимает участие в трех историях: телушку выгоняют из хлебов только ласковым словом, в противном случае грозит порча хлеба; стол моют только чистым рушником, а обод сгибают, только найдя надежный упор. В иносказательной форме Л.Н. Толстой разъясняет, что необходимо для праведной и честной жизни: доброе отношение к людям, очищение сердца от наносной грязи и опора на Бога, соблюдение Его заповедей.

Не случайно в качестве эпиграфа писателем выбраны строки из Евангелия: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб; а я говорю вам: не противься злему. Матф. V, 38, 39» и «Мне отмщение. Я воздам. Римл. XII, 19» (147). Тем самым обозначены пути спасения мира и утверждается призыв к непротивлению злу насилием, стремление к покаянию, хотя реальное содержание рассказа входит в частичное противоречие с намерением писателя.

Обратимся к рассмотрению поэтического языка рассказа «Крестник».

В тексте присутствует большое количество разговорных просторечий. К примеру, фигурируют следующие формы глаголов, ныне не используемые в разговорном литературном языке: «*усумнился* мужик» (147), «стал младенец *возрастать* на радость родителям: и силен, и работящ, и умен, и смирен» (148), «не знаем мы, сынок любезный, где твой крестный живет. Мы сами о том *тужим*» (148), «летел, летел чурбан кверху, остановился, пошел книзу. Что ниже, то *шибче* расходится. Разошелся шибко, налетел на медведицу, как *чебурахнет* ее по башке...» (150), «*подивился* мальчик и пошел дальше» (150), «*толкнул* дверь, отскочили печати, отворилась дверь» (151), «пусть хозяйка свою телушку *поκληчет*» (153), «когда ты меня, – говорит, – в первый раз уговаривал, я только больше *озлился*» (160).

Часто встречаются устаревшие формы существительных («младость» (147), «в миру» (151), «два стража» (152)) и прилагательных («худое дело» (152), «страцево место» (156), «повеленное дело» (156), «кущцов сын» (160)), что позволяет говорить о склонности автора к стилизации.

Поскольку рассказ намеренно создавался Л.Н. Толстым для «народного» читателя, в нем присутствует значительный пласт просторечной лексики, понятной деревенским жителям: «чурак» (чурка, чурочка), «топорिशко» (небольшого размера топор), «к завтраму» (назавтра), «шибко» (сильно), «пестун» (первый медвежонок), «телушка» (корова) [6]. Очевидно, что приведенные примеры просторечных слов так или иначе пересекаются с многочисленными архаизмами и историзмами, и для современного читателя они предстают в некоем единстве. Историзмы представлены в тексте словами «палаты» (имеются в виду богатые постройки – особняки), «горница» (то есть комната в верхнем этаже). В наше время историзмом стало и слово «пуд» (мера веса, равная 16,38 кг).

В рассказе присутствует также собственно-религиозная лексика («епитимья» – «церковное наказание, налагаемое духовником» [7], «похристосоваться» – «тремякратно целоваться, поздравляя друг друга с праздником Пасхи, говоря при этом: “Христос воскрес! – Воистину воскрес!”» [Там же]; «кумовья» – «мн. ч. от “кум” – крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери» [Там же]. В самом названии – «Крестник» – делается акцент именно на духовном содержании произведения. Данный лексический слой можно разделить на две тематические группы: наименование действий, относящихся к нормам религиозной жизни (*епитимья, похристосоваться*), и наименование верующих христиан, которые в ходе таинства крещения принимают на себя определенные обязанности. Непременное использование Л.Н. Толстым данных специфических выражений объясняется тем, что религия как таковая составляет значительную часть жизни русского народа, проникает в повседневный быт и одновременно определяет самобытность нации и ее язык.

Обращают на себя внимание и синтаксические особенности рассказа. Это намеренное использование подлежащего после сказуемого и инверсионный порядок слов в предложении в целом: «Потянула медведица в себя носом и пошла прямо к корыту, а медвежата за ней. Сунула медведица морду в мед, позвала медвежат, подскочили медвежата, припали к корыту. Откачнулся чурбан недалеко, вернулся назад, толкнул медвежат. Увидала это медведица, оттолкнула чурбан лапой. Откачнулся подальше чурбан, опять назад пришел, ударил в середину медвежат – кого по спине, кого по голове» [5. С. 149–150]; «отскочили печати, отворилась дверь» (151). Инверсия, как мы знаем, характеризовала в равной степени

язык средневековых литературных памятников и произведения устного народного творчества.

В рассказе отсутствуют описательные элементы, которые были присущи прозе писателя в прежние периоды творчества: «Сидит он раз в келье, слышит – едет мимо него человек и песни поет. Вышел крестник, посмотрел, что за человек. Видит – человек сильный, молодой. Одежда на нем хорошая, и лошадь и седло под ним дорогие» (157). Благодаря этому построению фраз достигается эффект «сказовости», то есть за счет экономии выразительных средств акцент переносится на конкретные действия персонажей, усиливается динамика повествования.

При написании рассказа «Крестник» Л.Н. Толстой стремился к предельному лаконизму повествования, использованию сжатых, емких, смыслодержательных фраз: «Заревели медвежата, отскочили прочь. Рывкнула медведица, ухватила обеими лапами чурбан над головой, махнула его от себя прочь. Улетел высоко чурбан, подскочил пестун к корыту, уткнул морду в мед, чавкает, стали и другие подходить. Не успели подойти, прилетел чурбан назад, ударил пестуна по голове, убил его до смерти» (150); «Насторожила телушка уши, послушала, послушала, побежала к бабе, прямо ей под подол мордой, – чуть с ног не сбила» (153); «Прожил так крестник год, и стало к нему много людей ходить. Прошла про него слава, что живет в лесу святой человек, спасается, ртом из-под горы воду носит, горелые пни поливает. Стало к нему много народу ходить. Стали и богатые купцы ездить, ему подарки возить. Не брал ничего себе крестник, кроме нужды, а что ему давали, то другим бедным раздавал» (156); «Соскочил купцов сын, побежал. Хотел разбойник проехать, да остановил его еще крестник; стал ему еще говорить, чтобы бросил он свою дурную жизнь. Постоял разбойник, выслушал все, ничего не сказал и уехал» (160).

Таким образом, стиль рассказа «Крестник» характерен для жанра народных рассказов. Здесь можно также выделить ряд поведенческих стереотипов, присущих классической народной сказке. На протяжении повествования герой-крестник остается самим собой, совершает поступки во имя искупления греха. Познание мира при этом происходит с нарушением общественных запретов (игнорирование наказа крестного отворять и входить в определенную дверь палат, всходить на престол и брать в руки жезл), но ответственность за их нарушение беспрекословно берется на себя (выкуп грехов разбойника).

Главного героя не покидает решимость идти до конца, минуя преграды и препятствия на пути к достижению поставленной цели (необходимость прорастить три горелые головешки и вырастить из них три яблони, поливая их водой из реки, приносимой во рту; встречи с разбойником). В итоге грехи оказываются выкупленными в глубокой старости персонажа, после чего он мгновенно умирает. Этот мотив присутствует

также, например, в легенде о разбойнике Кудеяре. Герой-крестник помогает своим ближним, неоднократно приходит на выручку (предупреждение отца о воровстве снопов с поля, купчихи-крестной – о любовнице ее мужа, матери – о пробравшемся в дом разбойнике; учит мужиков и бабу «кликать» телушку, хозяйку избы вытирать стол чистым ручником, мужиков гнуть ободья, гуртовщиков разжигать костер; спасает купцова сына).

Отличительной чертой персонажа является желание и умение учиться (просит старца научить его, как выкупить грехи, впоследствии – беспрекословное следование преподнесенному уроку). В целом, обращение к старцу, символизирующему мир предков, за особенным советом, исполнение которого способно изменить жизнь, а потому сложновыполнимым, является одной из черт волшебной сказки. Герой живет по принципу «нет ничего невозможного», свято верит в правильность избранного пути, конец рассказа является подтверждением его установки: все три головешки проросли, из них выросли яблони.

Довольно распространенная в сказках формула, когда действие, совершаемое несколькими героями, передается повторением этого действия с перечислением каждого из персонажей, имеет место и в данном рассказе: «И мужики рады, и баба рада, и телушка рада» (153).

Обобщая сказанное, можно утверждать, что язык произведения, и все литературные приемы служат созданию особой проповеднической тональности, вызывая в читателях желание проникнуться высокими религиозными истинами.

Литература

1. Николаева Е.В. Глава II. Система жанров в позднем творчестве Толстого // *Художественный мир Льва Толстого: 1880–1900-е годы*. М., 2000.
2. Маймин Е.А. Лев Толстой: Путь писателя. М., 1978. С. 144.
3. Куприянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. М.-Л., 1966. С. 278.
4. Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник. М., 1978. С. 235.
5. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбилейное издание). М.-Л., 1928–1958. Т. 25. С. 153. Далее указ. только стр.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.

*Московский педагогический
государственный университет*